

НИКОЛА САНДЕРС

ПУСТЬ
ОНА
УЙДЕТ

INSPIRIA

НИКОЛА САНДЕРС

ПУСТЬ ОНА УЙДЕТ

— Только не просыпайся. Пожалуйста, только не просыпайся.

Заставить мою четырехмесячную дочь заснуть — или не просыпаться — мольбами не удавалось еще ни разу. Бог свидетель, я пыталась. Так что не понимаю, с чего я решила, что в этот раз будет по-другому.

Но мольбы — это все, что у меня есть.

Так сильно прижимаю ее к груди, что приходится себя одергивать, чтобы не сделать ей больно. Но я чувствую, как она ворочается у меня в руках — верный признак, что сейчас проснется. А значит, начнет плакать, потому что так всегда и бывает.

И если она заплачет, мы умрем.

Я изо всех сил стараюсь вытащить нас отсюда живыми. Я уже близко. Мы у входной двери. Открываю ее и максимально быстро и бесшумно выскальзываю на улицу.

Снаружи темно. Так тихо, что даже шуршащий у меня под ногами гравий нас выдает. Но я не могу двигаться медленнее. Счет идет на секунды. Я подбегаю к «Рендж Роверу», наклоняюсь над задним колесом и пытаюсь нащупать запасные ключи, которые обычно там прячу. Когда нажимаю кнопку, машина мигает фарами и сигналиит с громкостью оркестровой трубы. Я останавливаюсь и прислушиваюсь. Сердце бешено колотится. Ничего. Открываю заднюю дверь, и в машине загорается свет, который я мгновенно выключаю. Я торопливо усаживаю Эви в детское кресло. Ее глаза распахиваются, как у куклы.

А потом у нее открывается рот. Широко.

— Пожалуйста, не плачь, Эви. Пожалуйста, детка, не плачь. — Я задерживаю дыхание.

Эви зевает.

Аккуратно закрываю дверь, но так дрожу, что у меня ключи выскальзывают из рук. Кидаюсь на землю и пытаюсь найти их в темноте.

Пожалуйста, не плачь. Пожалуйста, не плачь.

Я чувствую пластиковый прямоугольник под пальцами.

Слава богу. Они у меня. Я распрямляюсь, и в этот момент в окне наверху вспыхивает свет и падает на машину.

Я ничего не могу с собой поделать. Оборачиваюсь, чтобы взглянуть на дом, хотя это стоит мне нескольких лишних секунд, которые нельзя терять. Свет идет из детской. Это единственное горящее окно в доме.

ПУСТЬ ОНА УЙДЕТ

Я зажимаю рот рукой, когда в окне появляется она и начинает колотить обеими ладонями в стекло, а за ее спиной поднимается темный дым.

Наши взгляды встречаются.

Я отворачиваюсь, запираюсь в машине и уезжаю.

Три недели назад

Оскар лениво гавкает, как только я слышу шум гравия от колес подъезжающего фургона. Этот лай — только для виду. Мы оба знаем, что он спокойно впустит в дом постороннего, радостно размахивая хвостом, и обеими лапами запрыгнет вору на грудь. Оскар — старый золотистый лабрадор и любит всех и вся, даже соседского кота.

Я отхожу от кровати и смотрю в окно. Это почтальон. Он поднимается по ступенькам к парадной двери, и через секунду я слышу стук дверного молоточка. За воротами стоит ящик для писем, но когда я дома одна — то есть большую часть времени, — предпочитаю оставлять ворота открытыми. Чувствуешь себя менее одиноко, когда знаешь, что любой может подъехать прямо к дому, не звоня перед этим от въезда. Ричард со мной не согласен. Он говорит, это небезопасно, на что я неизменно закатываю глаза. Мы живем в очаровательном, но

довольно сонном пригороде, а наш роскошный загородный дом похож на крепость. Когда мы только въехали, Ричард был так озабочен нашей с Эви безопасностью, что установил замки на каждое окно.

Я смотрю на Эви, которая спит в своей кровати, раскинув руки и ноги, как морская звезда, накрываю ее одеяльцем и целую в мягкую теплую щеку. Она даже не ворочается. Если бы год назад мне кто-нибудь сказал, что приход почтальона станет для меня самым волнующим событием *за день*, я бы рассмеялась ему в лицо. Но сейчас я поспешно сбегая по лестнице в легком радостном предвкушении: нет ли чего-нибудь для меня, помимо писем и счетов, адресованных Ричарду? Может, журнал? Последний номер *«Дома и Сада»*? Над этим год назад я бы тоже посмеялась. Но теперь нет. Я могу провести добрый час или, если совсем расслаблюсь, даже два, сидя в кресле-качалке в детской и рассматривая модные ваннские комнаты или загородные оранжереи... Может, после того, как закончим ремонт на кухне, нам тоже такую построить? Только я его даже не начинала. Вырезанные мной картинки так и висят со свернувшимися уголками на магнитной доске в гостевой комнате, которую я объявила своим кабинетом. У Ричарда есть собственный внизу — огромная комната с необъятным дубовым столом, книжными полками во всю стену и французскими окнами, выходящими на патио. Но он редко пользуется этой комнатой. Не любит приносить работу домой.

Мой кабинет не такой большой, это просто стол и офисный шкаф, где хранятся личные документы. Я поклеила там милые обои и попросила нашего садовника Саймона повесить магнитную доску для проектов, потому что Ричард не знает, какой стороной молотка забивают гвозди.

Тогда у меня были большие планы на этот дом. Эви еще не родилась, токсикоз миновал, и я была до одурения счастлива из-за гормонов, наводняющих организм. В тот момент я наивно полагала, что у меня будут на все это силы, а материнство окажется прогулкой в парке. Только дело в том, что моя прекрасная малышка не спит. То есть нет. Она засыпает примерно миллион раз за ночь, а потом просыпается и не успокаивается, пока ее не накормят. В новой суровой реальности по утрам я бываю настолько уставшей, что не нахожу сил помыть голову.

Наклоняюсь за почтой, ко мне подбегает Оскар, и я тоскливо вздыхаю, перебирая стопку. Видимо, придется убить время иначе, потому что для меня сегодня ничего нет.

Я кладу кучку почты на полку, тщательно отсортировав все по размеру: «*Вестник Инвестора*» внизу, счета и конверты поменьше наверху. Пришло огромное письмо из Амстердама, видимо, по поводу конференции, на которую Ричард поедет через три недели. Я пихаю его в низ стопки. Тут выскальзывает еще одно письмо и падает на пол. Поднимаю его и верчу в руках. Как и все остальные, оно

адресовано Ричарду, но подписано вручную, и по почерку видно, что его отправила женщина. Я переворачиваю конверт, но обратного адреса нет, как и имени отправителя. Сразу думаю, что оно от Изабеллы — прекрасной Изабеллы, бывшей невесты моего мужа. Я знаю, что они общаются, но зачем ей посылать бумажное письмо — загадка. Может, это приглашение? Особое приглашение. По особому случаю. Только для него. Чтобы пришел один.

Внезапно меня разбирает любопытство. Я провожу по конверту пальцами и думаю воспользоваться старым трюком с паром, чтобы его открыть. Только, наверное, он уже не сработает.

В коридор врывается холодный ветер, и я подпрыгиваю.

— Здравствуйте, миссис Эй.

— Роксана, — смеюсь я, прижимая конверт к груди. — Ты меня испугала. Уже приехала?

Она прислоняет велосипед к стене и заходит внутрь, закрывая за собой дверь.

— Извините, что напугала, — говорит она, откидывая капюшон плаща. — Нужно было позвонить в дверь. Я думала, вы наверно с Эви.

Я небрежно отмахиваюсь.

— Эви спит как убитая. Уже как минимум пятнадцать минут. Думаю, это рекорд. Я проверяла почту.

— Ладно, тогда я начну, миссис Эй.

Я раз пятнадцать просила Роксану называть меня Джоанн, но она никогда так не делает.

Я всегда миссис Эй, хотя ей, думаю, лет двадцать пять — двадцать восемь, то есть она всего лет на пять младше меня.

Роксана вешает плащ в гардеробную — маленькую комнатку рядом с коридором, где мы храним зонты, дождевики, резиновые сапоги... Она идет прямо к двойным дверям, ведущим на огромную кухню, чтобы забрать тележку с чистящими средствами из кладовки. Я следую за ней по пятам.

— Не хочешь чаю, прежде чем начать? — Я спрашиваю ее об этом каждый раз, и она с завидной регулярностью отказывается. Наверное, думает, что у меня проблемы с памятью. Или что я туга на ухо.

— Нет, спасибо, — говорит она. — Все хорошо.

— Я думаю купить велосипед, — выпаливаю я, прежде чем она успевает уйти.

Это неправда. Что бы я с ним делала? Присобачила люльку на багажник? Но мне до смерти хочется с кем-нибудь поговорить. У меня такое чувство, будто я неделями ни с кем не общалась, хотя, строго говоря, это не так. Я болтаю с Саймоном, но у него пока зимний график работы, поэтому он проводит тут не так много времени. Он приезжает только один или два раза в неделю, в основном чтобы прибрать участок и подготовиться к весне. Конечно, я разговариваю с Ричардом, каждый вечер, но он подолгу работает и в последнее время даже не всегда успевает домой к ужину. У него собственный частный инвестиционный банк, и сейчас он со своим деловым партнером разрабатывает но-

вый продукт — что-то связанное с финансовыми портфелями. Ричард пытался мне объяснить, но я не поняла ни слова. Списываю это на отупение после беременности.

— Как думаешь, какой взять? — спрашиваю я Роксану.

Она пожимает плечами.

— В Чертси есть магазин велосипедов. Попробуйте спросить там.

Киваю.

— Да. Хорошая идея. — Я прислушиваюсь к Эви и, удовлетворившись тишиной, беру чайник и помахиваю им в сторону Роксаны. — Уверена?

— Уверена, — отзывается она.

— Как знаешь!

Кидаю пакетик мятного чая в кружку и облакачиваюсь на столешницу. Наблюдаю, как Роксана собирает свои чистящие принадлежности. Я пытаюсь придумать, что бы еще сказать, но мой мозг как будто превратился в пюре.

Иногда для меня загадка, о чем мы думали, переезжая в такой огромный дом так далеко от города. Я понимаю, что мне повезло жить в этом прекрасном месте. Тут шесть спален, пять ванных, гостиная и столовая с потрясающим видом, гигантская кухня и кладовка, превосходящая по размеру мою старую квартиру в Лондоне. А еще есть подвал, где хранятся самые дорогие вина Ричарда, но который он грозитя переделать в домашний кинотеатр или что-то типа того. Знай себе сиди на кухне с Эви

на коленках и болтай с Роксаной. Иногда я ловлю себя на том, что хожу за ней по дому с ребенком на руках, пока она работает, чтобы хоть с кем-то поговорить.

Роксана вставляет наушники и тычет в экран телефона. Я сдерживаю вздох. Намек поняла.

— Тогда оставляю тебя заниматься своими делами, — говорю я, хоть она меня и не слышит. Заливаю пакетик кипятком и возвращаюсь вместе с кружкой в коридор.

Мы с Ричардом жили в этом доме с самой моей беременностью. Наше пристанище на всю оставшуюся жизнь. К тому времени я уже справилась со своим нежеланием полагаться на финансы Ричарда — во всяком случае, в отношении недвижимости. В самом начале поисков, когда он возил меня смотреть дома, ценники приводили меня в шок. Мой доход близко не позволял взять ипотеку, на которую он, похоже, рассчитывал. А эти варианты были даже менее внушительны, чем тот, на котором мы в итоге остановились.

— Не беспокойся о деньгах, Джоанн. Давай просто найдем дом, который нам подойдет. Пусть это будет моим тебе подарком, — говорил он, целуя меня в макушку.

До сих пор помню первый раз, когда увидела дом. Я не могла поверить своим глазам. Ричард был в полном восторге. Неужели это правда могло стать нашим? Я пыталась представить, каково здесь жить,

ахая при виде каждой новой комнаты, каждого карниза, каждого окна. Мы обсуждали вечеринки, которые будем устраивать, восхищались ухоженными пышными садами, фантазировали о том, как наши дети — и наш лабрадор — будут играть на лужайке. Мы сразу сошлись на том, что комната на втором этаже с видом на розовые кусты — просто идеальна для детской. Кухня выглядела немного устаревшей, и я с энтузиазмом заявила Ричарду, что могу заняться ее обновлением. Сказала, что это будет мой личный проект.

Только все пошло не так, как я надеялась. У меня не получается принять элементарное решение по поводу столешниц или цвета кухонных шкафов, а с учетом того, что я была агентом по недвижимости, то могла бы ожидать от себя больших познаний в этой области. Я видела много, много кухонь и знаю все про планировки и покрытия. Мне известно, что работает, что пользуется популярностью и что продается.

Во всяком случае, я это знала. А теперь начала задавать Роксане вопросы типа: «Это хорошая духовка, как думаешь?» Или: «Какой стиль кухонь сейчас в моде? Гладкий бетон? А как насчет светлого дерева? Или вот это? Глянцевый белый. Тебе нравится глянцевый белый?» И она всегда смотрит на меня, вскинув бровь, и отвечает: «Я не знаю, миссис Эй. Это вам решать».

Конечно, это было до того, как она стала надевать наушники.

Впервые мы познакомились с Ричардом, когда они с Изабеллой пришли в агентство по недвижимости в Челмсфорде, где я тогда работала. Несколько лет назад я переехала туда со своим парнем Марком: ему предложили управлять местной компанией по разработке компьютерного оборудования. После нашего с Марком расставания он вернулся обратно в Лондон, а я осталась там же, как будто по инерции.

Ричарда и Изабеллу заинтересовал дом в георгианском стиле из наших каталогов. Участок должна была показывать не я. Им занимался мой коллега Энтони, в которого я тогда была немножко влюблена, но это уже другая история. Однако поскольку его в тот день не было на месте, я вызвалась обслужить клиентов.

Они выбрали роскошный дом, с просторными комнатами и огромными открытыми каминами, высокими потолками и двумя акрами земли с собственным озером. *Это* было их пристанище на всю оставшуюся жизнь. Его и Изабеллы.

Я хорошо ее помню. Немного за сорок, красивая и высокая, с темными выющимися волосами, обрамляющими прекрасное лицо. Милая улыбка. Прошло несколько дней, и позвонил Ричард. Он еще раз хотел взглянуть на дом. Мы назначили время, но в этот день Изабелла задерживалась, так что мы снова обошли дом вдвоем с Ричардом. Он попросил осмотреть подвал. Я не люблю подвалы и вообще темные помещения, и, если брать во внимание

мою профессию, это проблема. Но это моя работа, так что я расправила плечи и сказала — конечно. Мы спустились вниз, и порыв ветра захлопнул за нами дверь. Ричард вернулся, чтобы открыть ее, но она не поддавалась. Меня затрясло. Ноги превратились в столбики желе.

— Вы в порядке, Джоанн?

— Да, — соврала я и оперлась на влажную стену, чтобы не упасть.

— Не волнуйтесь. Мы сейчас отсюда выберемся. — Он достал телефон, но, разумеется, сигнала внизу не было.

Я начала задыхаться.

— Только не волнуйтесь, Джоанн, хорошо? Видите, там окно? Я сейчас из него вылезу, обойду дом и открою дверь.

— *Это* окно? — выдохнула я. Это было даже не окно, просто щелочка. В несколько кирпичей шириной. Он никаким образом не мог пролезть в *него*.

— Доверьтесь мне. Все будет хорошо.

— Ладно, — не без усилия прошептала я.

Он снял пиджак, аккуратно сложил его и положил на пустой ящик. Закатал рукава рубашки, ослабил галстук и пригладил волосы руками. И хотя я была почти на грани панической атаки, весь его облик — съехавшие очки в широкой оправе, темные взлохмаченные волосы и сдвинутый набок галстук — заставил меня улыбнуться. Ричард был похож на Кларка Кента. Ну или на Кларка Кента, дожившего до пятидесяти.

Он нашел три пустых ящика — хорошо, что их оставили здесь валяться, — и собрал из них какое-то подобие лестницы.

— Можно я обопрусь на ваше плечо? Чтобы не свалиться? — попросил он.

— Да, извините. — Я встала рядом с ним, но мне пришлось схватиться рукой за стену, чтобы стоять прямо. Перед глазами плясали белые точки, пока он карабкался по ящикам.

Когда Ричард пытался втиснуться в окошко, это выглядело жутко нелепо. Если бы мне не было так страшно, я бы рассмеялась. Но вместо этого я начала думать: а вдруг он застрянет? А если умрет там? Торча в этом крошечном окошечке? Но когда его ноги исчезли, меня охватил новый приступ паники.

— Вы же не убежите и не оставите меня здесь? — нервно закричала я.

Он просунул голову обратно.

— Да, сверкая пятками, — фыркнул Ричард. — Сейчас вернусь.

И потом он ушел.

Я уселась на пол и уронила голову на колени. Подумала, что предприму, если он не вернется, и поняла, что сделать-то ничего не смогу. Вообще ничего. Я просто умру здесь в одиночестве. Гниющий скелет в подвале.

А потом дверь широко распахнулась, он сбежал по лестнице и помог мне встать.

— Я так глупо себя чувствую, — сказала я, как только мы оказались на свободе.

— Ничего страшного. Вы не могли знать, что дверь захлопнется.

— Я про то, что так испугалась.

— Все позади. Больше бояться нечего, — он прижал меня к себе, и я заплакала.

Я чувствовала себя ужасно глупо, заливая слезами его дорогую рубашку. Но на самом деле мне не хотелось, чтобы он меня отпускал. В его надежных объятиях я впервые за долгое время почувствовала себя в безопасности.

Так мы простояли несколько минут: он гладил меня по голове, а я тряслась от рыданий, как маленький ребенок. Потом я отстранилась и вытерла нос рукавом.

— Извините. Я испортила вам рубашку. И еще вы оставили пиджак внизу.

— Я заберу. — Ричард дал мне носовой платок, заверив, что он чистый, и в этот момент рядом с нами остановилась машина.

Приехала Изабелла.

На следующей неделе он приехал в агентство и сообщил, что сделка по дому отменяется, потому что они с Изабеллой расстались.

— Мне очень жаль, — сказала я, и его глаза наполнились слезами.

Было уже пять часов вечера, так что я отвела его выпить в бар за углом. Ричард поделился тем, что Изабелла ушла от него к другому мужчине. Роман длился несколько месяцев, и когда они ез-

дили выбирать дом, она уже понимала, что не переедет.

— Она просто не знала, как сказать мне.

У меня был свой опыт предательства в отношениях, так что я рассказала ему про Марка, ради которого переехала. Мы были вместе три года. Сначала Марк не хотел детей так рано, но потом оказалось, что он вообще их не хочет. «Я буду ужасным отцом», — говорил он. А потом, за завтраком, объявил, что уходит от меня. У него был роман с Оливией из отдела кадров, которая забеременела.

— Сейчас у них подрастает мальчик по имени Джордж, и еще один на подходе.

Ричард покачал головой.

— Это ужасно.

Я пожала плечами.

— Это было давно, — сказала я, как будто не кипела от гнева при каждом воспоминании.

Мы еще немного поговорили и внезапно досидели до закрытия. Я давно ни с кем не чувствовала себя так комфортно.

— Спасибо, что выслушали, — сказал он, закрывая за мной дверь такси.

Через два месяца Ричард пригласил меня на ужин. Через восемь мы поженились.

Я несу с собой чашку горячего чая и по пути наверх, в детскую, задерживаюсь в коридоре, кинув еще один взгляд на загадочное письмо на полке. Беру его в руки и пытаюсь припомнить, видела ли когда-нибудь почерк Изабеллы. Но если и видела, то забыла. Мне противна собственная неуверенность, но несколько месяцев назад Ричард сказал, что Изабелла до сих пор с ним общается и что ее новые отношения не задались. Она снова была одинока.

— Думаешь, она хочет с тобой сойтись? — с подозрением спросила я.

— Нет. Конечно, нет. Просто мы были вместе столько лет. Думаю, она просто хочет поговорить с кем-нибудь, кто хорошо ее знает. Поплакаться в жилетку.

Если таким образом Ричард намеревался меня успокоить, то это не сработало. В конце концов, в свое время жилеткой была я, и посмотрите, чем это закончилось. Хотя тогда я была стройной, фон-

танирующей энергией востребованной специалисткой с чистыми волосами. А сейчас? Сейчас я чувствую себя такой скучной, что заснула бы от одного разговора с самой собой.

Мне нужно показать себя в лучшем виде. Вот что мне надо сделать. Необходимо приготовить вкусную домашнюю еду. Нет, устроить ужин при свечах. А еще у нас уже несколько недель не было секса, и это моя вина. Надену что-нибудь сексуальное. У меня еще есть что-нибудь подобное? Что мне до сих пор подходит? Чтобы я не выглядела как салями, обтянутая бечевкой?

Я уже собираюсь пойти наверх, как раздается звонок. Домашний телефон. У нас они установлены буквально в каждой комнате, потому что мобильная связь тут работает в лучшем случае урывками. А еще Ричард говорит, что так я могу не бегать в поисках мобильного, когда занимаюсь с Эви. По какой-то причине все боятся, что я слишком перенапрягусь, проводя время с дочкой.

— Джоанн, дорогая! Как твой день?

— Очень хорошо! — жизнерадостно отвечаю я. — Рада, что ты позвонил, потому что я хочу приготовить на ужин что-то особенное. Во сколько ты будешь дома? — Потом добавляю: — У меня для тебя сюрприз.

Ричард смеется.

— Какой еще сюрприз?

Я кручу письмо в руках.

— Если скажу, это не будет сюрпризом. Но ладно. Раз уж ты спросил, я подумываю приготовить для нас романтический ужин... И, может... десерт?

Отлично. Теперь он, наверное, думает о желе с заварным кремом.

— Милая, извини. Это звучит восхитительно, но я звоню сказать, что мне придется поработать допоздна. Нам нужно составить проспект эмиссии к понедельнику. Джофф сказал, чтобы сегодня все были на посту.

Чертов Джофф!

— Все в порядке! — безуспешно пытаюсь изобразить бодрость — В следующий раз. — Тут я слышу, как Эви хнычет наверху. — Мне пора. Надо кормить Эви. Позвонишь мне еще?

— Конечно, дорогая.

Понимаю, что все из-за чертовых гормонов, но слезы жгут глаза. Меня не оставляет страх, что я теряю его. Что кажусь Ричарду настолько скучной, что он предпочитает коротать вечера в офисе в компании коллег.

Я возвращаюсь наверх и проверяю проснувшуюся Эви. Она лежит на спине и смотрит на мобиль с деревянными зверями над своей кроватью. Когда я тянусь к ней, она переводит взгляд на меня и начинает заливаться слезами, но мое сердце все равно поет. Я беру ее и целую мягкие волосы. Эви перестает плакать и зарывается носом мне в шею. Я смеюсь. Вся моя неуверенность мгновенно улету-

чивается. Сердце наполняется любовью и счастьем, когда я со своей малышкой.

Я беру заранее подготовленную бутылочку из маленького холодильника в углу и бросаю ее в подогреватель. Хожу по комнате в ожидании, пока он запищит. Мне бы хотелось самой кормить своего ребенка, но, к сожалению, у меня недостаточно молока.

Звонит мобильный. Это моя подруга и бывшая коллега из агентства Шелли. Я зажимаю телефон щекой, изогнув шею, и усаживаю Эви на колени.

— Шелли! Привет! Как ты? Подожди, я тебя не слышу. Я выйду на улицу. Одну секунду.

Я прохожу в нашу спальню и встаю перед французскими окнами, ведущими на балкон. Обычно в этой точке ловит лучше всего.

— Теперь меня слышно?

— Привет, мамочка! Слышу тебя отлично!

Я улавливаю на фоне трезвонящие телефоны и чувствую прилив ностальгии.

— Кажется, у вас запара, — говорю я.

— Как и всегда. Ну, ты знаешь. Но у тебя-то как дела?

— Я тоже в запаре! Ни секунды свободной нет!

— Извини, Джо! — говорит она. — Не буду тебя отвлекать, просто маленький вопрос.

— Нет, пожалуйста, отвлекай меня. Это просто шутка. Я тут умираю от скуки. Можешь хоть весь день со мной разговаривать, если хочешь.

Она смеется.

— Ну, все наверняка не так плохо. Слушай, у меня правда запара, но ты случайно не помнишь Берри Хауз, на который мы делали оценку? Клиент тогда еще решил не продавать?

— Да, помню.

— Он передумал и хочет увидеть изначальную оценку. Но я не могу найти файл. Мы все обыскали, а встреча уже в пять.

Я слегка покачиваю Эви на бедре.

— Он в шкафу, на той полке, где у нас лежат файлы с пометкой «Перезвонить через полгода».

— О господи, Джо, ты супер! У меня совершенно это вылетело из головы, но ты права!

Я слышу, как с грохотом отодвигается стул, а потом Шелли громко и триумфально кричит: «Нашли!» Она, видимо, поднимает телефон, потому что из трубки я слышу всеобщее *ю-ху!* Пара человек даже хлопает, и я чувствую мимолетную гордость, как будто только что спасла всю компанию от мгновенного банкротства.

— Ты просто звезда. Правда, — говорит она. — Мне пора бежать, но спасибо, Джо. Я сейчас пытаюсь управляться с тремя делами одновременно. Сама знаешь, как это бывает. У нас сейчас столько арендаторов, что пришлось создавать целый новый отдел под них, а еще мы потеряли Терри и Кимберли.

— А что случилось с Терри и Кимберли? Они уволились?

— Так точно. Они ушли и поженились. Ты не знала?

— Нет! Но это же прекрасно, правда? Ну, наверное, не для тебя... — И тут у меня в голове внезапно возникает мысль. — Слушай, я тут подумала, может, тебе не помешает дополнительная помощь? Я могла бы работать из дома раз или два в неделю, если от этого будет какая-то польза. — Я говорю очень быстро, пытаюсь не упустить идею, которая формируется в голове. — Все документы в облаке. Я, конечно, не сумею показывать объекты потенциальным покупателям, но могу быть на подхвате у кого-нибудь, например, у Жаклин? Или оформлять договоры аренды, договариваться о ремонтных работах и инспекциях, всякое такое?

Очевидно, вероятность того, что Шелли сможет дать мне работу — любую работу, — примерно равняется выигрышу в лотерею. Я живу в семидесяти с лишним милях от офиса. И не заходила в агентство уже год. Более того, я все это время *вообще* нигде не работала. Что я знаю об их нынешней клиентуре? Не факт даже, что они до сих пор используют ту же систему.

Она молчит. Я готовлюсь в любую секунду услышать «нет, спасибо» и пожелания удачи в дальнейших делах.

— Знаешь, что я тебе скажу... — наконец говорит она. — Нам бы не помешала помощь, пока мы не наберем побольше сотрудников. Но это может быть

не самая интересная работа, просто всякая тягомотина, ты же понимаешь?

— Обожаю тягомотину! Тягомотина — моя самая любимая вещь на свете!

Шелли смеется, и мы договариваемся поговорить еще через пару дней, когда она все как следует обдумает и обсудит с командой. Меня распирает от радости, когда я вешаю трубку.

— Мамочка может снова вернуться на работу! — сюсюкаю я с Эви. — Это будет что-то, правда? А ты можешь сидеть у меня на коленках и помогать. Хочешь?

Не знаю почему, но у меня неожиданно возникает ощущение, что кто-то за мной наблюдает. Я разворачиваюсь, и в дверном проеме мелькает тень.

— Роксана? — Я высовываю голову в коридор и успеваю заметить, как она быстро уходит. — Роксана? — снова кричу я. — Тебе что-то нужно? — Но она забегает за угол, не обернувшись.

Я возвращаюсь в детскую и усаживаюсь вместе с Эви в кресло. Роксана следила за мной? Конечно, нет. С чего Роксане интересоваться, чем я занимаюсь? Я просто все себе надумала. Она, наверное, просто проходила мимо и заглянула в комнату, вот и все. И, конечно, она меня не слышала, она ведь в наушниках, правда?

Я повожу плечами, пытаюсь стряхнуть странное чувство.

— Пора бы уже мамочке чем-нибудь заняться, да? — шепчу я Эви. Еще одна дикая привычка, которую я приобрела в последнее время. Говорить с самой собой, делая вид, будто разговариваю с ребенком. — А то у мамочки совсем крыша поедет.

Я задремала с Эви на груди, но внезапно проснулась. Что-то меня разбудило. Роксана? Нет, не может быть. Она ушла несколько часов назад.

— Джоанн? Это я!

— Ричард? — Я встаю и укладываю сонную Эви в кроватку. — Ты дома! — Я бегу вниз по лестнице ему навстречу. — Но я думала, ты сегодня будешь работать допоздна?

Он расстегивает пальто.

— Я сказал Джоффри, пусть занимается всем сам, если хочет, но я иду домой. Я слишком скучаю по своим девочкам. — Он опускает портфель на пол и раскрывает объятия.

— Но ты так рано! — отвечаю я, падая в них.

— Я отпросился на остаток дня, — Ричард целует меня в макушку и мягко произносит: — Извини.

— За что?

— Ты хотела устроить для нас что-то особенное, а я просто скучный старик. И слишком часто оставляю тебя одну. Я тебя не заслуживаю.

— Ты бы позвонил! Я бы причесалась!

Он гладит меня рукой по голове.

— Твои волосы идеальны.

Я отстраняюсь и разглядываю себя с ног до головы.

— Но я выгляжу как черт знает кто. — На мне старая бесформенная толстовка и пара растянутых штанов для йоги. — А еще я вся в слюнях Эви.

— И я считаю, что ты прекрасна. Пойдем, откроем бутылку вина.

Единственное преимущество того, что я не в силах кормить грудью. Могу позволить себе бокал вина по вечерам.

— Я ничего не приготовила на ужин, — говорю я.

— Давай закажем что-нибудь в «Пикколино». — Он берет меня за руку.

— О, да. Давай! Я бы убила за пиццу.

Вечером мы сидим за огромным деревянным столом на кухне. Между нами — видеоняня. Ричард накручивает на вилку спагетти. На лоб падает прядь волос. Нужно будет сводить его подстричься. Я все время поражаюсь, как настолько умный и успешный человек, как Ричард, может выглядеть таким чудачком. Иногда мне приходится останавливать его перед выходом из дома, чтобы поправить рубашку, потому что он пропустил пуговицу. Или он надевает пару носков, которые в целом совпадают по цвету, но не совсем. Или полчаса ищет

очки, когда они буквально у него на голове. Однажды я послала его к окулисту, чтобы проверить, не слепнет ли он. Но нет — зрение отличное. Даже не понадобились новые очки. Ричард просто такой, и я не хочу никого другого. Он мой личный симпатичный сидящий Кларк Кент, и я таю, просто глядя на него.

— Выглядишь уставшей, милая.

Я пытаюсь улыбнуться.

— Вчера она не засыпала до двух часов ночи.

— Нужно было меня разбудить.

— Нет! Тебе надо на работу. Это было бы нечестно.

— Я мог бы помочь. А как наш маленький монстр сегодня?

— Она, естественно, спала весь день. Как ангел. — Я откусываю пиццу и вытираю рот салфеткой. — Знаешь, я хочу еще кое о чем поговорить. У меня новости.

— Да?

— Я сегодня говорила с Шелли.

Он наполняет наши бокалы.

— Шелли?..

— Из агентства недвижимости, в котором я работала.

— Шелли. Конечно. И как Шелли поживает?

— Отлично! Но на самом деле у них там аврал. Она едва может выдохнуть. — Я начинаю тереть салфетку, складываю и разворачиваю ее. — В общем, — продолжаю я, — она спросила, могу ли я им

помогать пару раз в неделю. Работа из дома, разумеется, — быстро добавляю, чтобы он не подумал, будто я через день буду таскаться в Челмсфорд.

Ричард хмурится, глядя на меня из-за своего бокала вина.

— Но, милая, ты разве этого хотела?

Я плюхаю шмат масла на кусок хлеба, забыв о своей недавней решимости как можно скорее вернуться в форму.

— Ну... Ей нужна моя помощь, так что...

— Но чего *ты* хочешь? — Он тянется к моей руке. — Ты же счастлива, правда? Иногда я волнуюсь за тебя. Не поспешили ли мы? Я знаю, ты хотела жить здесь, в этом доме, подальше от города... Но, может, мы совершили ошибку?

Именно поэтому мне показалось нужным пойти на маленькую невинную ложь. Шелли не просила меня снова выйти на работу. Это я набросилась на нее и почти умоляла взять меня. Но, как напомнил мне Ричард, эта жизнь была тем, чего хотела я. Мечтала о куче детей и своем доме, которым буду заниматься. Я грезилась о большой кухне с кастрюлями и сковородками, свисающими с потолка. Собиралась каждый вечер готовить потрясающие блюда для своей семьи. Я всего этого хотела, и именно я много месяцев с блаженным видом разглагольствовала о том, как мне не терпится с головой окунуться в материнство, и как мечтаю наполнить этот дом детьми, друзьями и смехом, и как много у меня будет дел, и какой прекрасной будет

жизнь вдали от рабочей суеты. Ричарду неважно, чего я хочу, главное — чтобы это делало меня счастливой. Абсолютно убеждена, что Ричарда ни капли не смутило бы, если бы я передумала или решила работать на полставки, или еще что-то. Это не он разочаровался во мне. А я сама в себе.

— Мне кажется, это может быть весело. Скучаю по офисной беготне.

Он делает глоток вина.

— И в этом оживленном офисе ты будешь работать вместе с Энтони? А что с нашим ребенком? Что с ней будет?

Я накрываю его руку ладонью.

— Во-первых, я буду работать из дома. Когда я сказала про офисную беготню, это было фигурально. Во-вторых, даже не знаю, работает там до сих пор Энтони или нет.

А вот это ложь. Энтони там *работает*. Он иногда мне пишет, просто поздороваться. Но Энтони — наш камень преткновения. Мы целовались всего за несколько недель до моего знакомства с Ричардом. Это было после новогоднего корпоратива, и он проводил меня домой. Потом мы много флиртовали на работе, и я надеялась, что он пригласит меня на свидание, но никто из нас так и не сделал следующего шага. А потом я встретила Ричарда. Но совершила ошибку, рассказав ему про Энтони. Тогда я просто хотела, чтобы он воспринимал меня как горячую штучку. Как будто мужчины в очередь за мной выстраиваются.

— Этот парень с работы, он просто покоя мне не дает! Постоянно со мной флиртует. Это очень мило, но, знаешь, он совершенно не понимает намеков! — как-то сказала я Ричарду. Мы сидели в очень дорогом ресторане в Мейфэре. Я даже купила по случаю новое платье, которое стоило пол моей зарплаты.

У него на виске вздулась вена.

— Но почему он продолжает? Он ведь знает, что ты занята?

— Да! Конечно, знает. Просто...

И вот этого мне говорить не стоило. По его интонации мне сразу следовало понять, что все выйдет не так, как я рассчитывала, но я уже слишком вошла в роль.

— Мы поцеловались всего один раз, — легкомысленный взмах руки. — Я напилась. Рождественская вечеринка. Что тут еще скажешь? В общем, — театральный вздох, — мне кажется, что он немного в меня влюблен.

Ричард очень медленно опустил бокал на стол.

— И часто ты это делаешь? Напиваешься и трахаешься с другими мужчинами?

Я громко ахнула. Он подозвал официанта.

— Счет, пожалуйста.

— Ричард, что ты делаешь? Мы же только пришли.

— Не хочу разлучать тебя с твоим любовником. Если ты предпочитаешь провести вечер с ним, то так и сделай.

Я стала ему возражать, призналась, что все это рассказала, только чтобы заставить его немного поревновать, что я идиотка и никогда, никогда даже не задумаюсь о том, чтобы уйти к кому-то другому. Но его лицо покраснело от злости, а руки на коленях крепко сжались в кулаки. Никогда раньше не видела его в таком состоянии и не могла ожидать такой реакции. Я пыталась объяснить. Это все неважно. Это был просто поцелуй. Энтони ничего для меня не значит. Только Ричард. Я все продолжала и продолжала говорить, но Ричард не слушал. Обычно я оставалась у него дома в Кенсингтоне, но вместо этого он посадил меня в такси и ушел. Я доехала до дома на поезде, не переставая рыдать, в своем элегантном новом платье.

На следующий день он прислал мне дюжину роз и записку. *«Я просто глупый старик, который до безумия в тебя влюблен. Пожалуйста, прости меня».*

И я простила, конечно. Но после того случая была осторожна, потому что у моего слегка чудаковатого, немного чокнутого седеющего Кларка Кента тоже есть характер. С тех пор я только однажды видела, как он потерял самообладание. Что-то случилось у него на работе — я толком и не поняла что. Это было у нас дома, разговор происходил по телефону. Ричард ударил кулаком в окно. Ну, не совсем в окно, потому что оно не разбилось. Но, наверное, было больно.

— И я ведь не первая, кто будет работать из дома, — говорю ему я. — У нас в офисе есть пара

человек, которые работают один или два раза в неделю. В наше время это обычное дело.

— Но что с Эви? — спрашивает он.

Ричард с большой заботой относится к Эви, и это одна из тех его черт, которую я люблю больше всего. С первой минуты ее рождения он хлопочет вокруг нее, волнуется, защищает. Он пришел в восторг, когда я сказала, что хочу взять отпуск по уходу за ребенком минимум на два года. Иногда мне кажется, что Ричард волнуется о ней даже больше, чем я, а это о многом говорит. Он с такой же тщательностью выбирал качественную видеоняню (как по мне, предельно прозаический предмет), как другие выбирают школу.

— Мне, конечно, будет кто-нибудь помогать. Няня, которая могла бы приходить и присматривать за Эви, пока я работаю.

— Но как ты поймешь, что ей можно доверять? А вдруг она захочет забрать Эви? Вдруг она украдет нашего ребенка?

Он же не говорит серьезно?

— Ричард! Сейчас множество профессиональных нянь. Я обращусь в приличное агентство. Они работают только с проверенными людьми с блестящими рекомендациями. Я же не возьму человека с улицы! Обещаю, — улыбаюсь я, и он приподнимает уголки губ в ответ.

— Джоанн, дорогая, если ты правда этого хочешь, то я считаю, это отлично. Поздравляю! — Он поднимает бокал, и я делаю то же самое.

— Спасибо. Это много для меня значит.

Мы обсуждаем, как у него прошел день, а потом Ричард спрашивает:

— Ну а ты сегодня чем занималась?

Ну, все утро я сидела с Эви. Потом получила почту, которую оставила на полке, но ты на нее едва взглянул, так что не заметил письма от Изабеллы. Еще пыталась поговорить с Роксаной, но она не изъявила встречного желания, а потом я заснула с Эви на руках, и пришел ты.

— У меня был очень насыщенный день, — говорю я. — Думаю купить велосипед.

Только после ужина, когда мы располагаемся в гостиной, Ричард усаживается читать почту. Я разжигаю огонь. Это единственное, что у меня действительно хорошо получается — поддерживать жаркое пламя. Я изо всех сил стараюсь не смотреть на Ричарда, как будто ни чуточки не интересуюсь, что там ему пришло. Поглаживаю Оскара и жду: терпения у меня хватает ровно на пять минут. Потом я возвращаюсь на диван, подбираю под себя ноги и наклоняюсь к нему, будто только сейчас заметила, что он читает письмо от Изабеллы.

— От кого это? — изображаю святую невинность.

— Ты не согласишься!

— Что? Кто это?

— Это от Хлои.

Я откидываюсь назад.

— От Хлои?

Он размахивает письмом в воздухе, а на его привлекательном лице расплывается улыбка. Ричард

медленно качает головой, одновременно радостно и удивленно.

— Она хочет приехать навестить нас.

— Твоя *дочь* Хлоя?

— Да! — Он переворачивает листок и продолжает читать с такой широкой улыбкой, что у него на правой щеке появляется ямочка. — Она пишет, что ей надоело сердиться. Только послушай. «Я так по тебе скучаю, папуль. Я сожалею обо всем, что случилось, и очень хочу повидаться со своей маленькой сестренкой. У меня скоро кончается семестр. Я могла бы приехать и немного у вас пожить, если вы не против». — Он поднимает взгляд. — Можешь в это поверить?

Я чуть не спрашиваю, не пишет ли она что-нибудь про меня, не хочет ли повидаться со мной? Но, наверное, нет. На самом деле именно из-за меня они рассорились. Не знаю почему, ведь я ее ни разу в глаза не видела, но она так расстроилась, когда ее отец решил снова жениться, что категорически отказалась прийти на нашу свадьбу. Она не разговаривала с Ричардом с тех самых пор, несмотря на его многочисленные попытки наладить отношения. А это было восемнадцать месяцев назад.

— Когда ты рассказал Хлое про Эви?

Я рада, что они пообщались, но, с другой стороны, меня это удивляет, потому что он раз за разом откладывал разговор. Мы сделали много семейных портретов после рождения Эви, и я подумала, что идеально будет отправить ей один из них.

Предлагала ему написать примирительное письмо. Но он хотел поговорить с Хлоей лично, а с учетом того, что она даже на звонки его не отвечала, это казалось утопией.

— Почему ты не сказал мне? — спрашиваю я.

Эви начинает плакать. Мы оба пьем в динамик, гадая, успокоится она сама или нет.

— Думаю, это просто потрясающие новости. — И я говорю это не только потому, что письмо не от Изабеллы! Плач Эви затихает. Мы оба облегченно вздыхаем. — Так когда она хочет приехать?

Он смеется.

— В пятницу.

— В эту пятницу? То есть через три дня?

— Да! — Ричард вскакивает на ноги. — Я прямо сейчас ей позвоню.

Он выбегает из комнаты. Оскар, до этого спавший у камина, приподнимает голову и смотрит в сторону двери, вероятно, размышляя, стоит ли идти за Ричардом. Но в итоге решает не утруждаться. Я почесываю его между ушей, и он снова укладывается, урча от удовольствия.

— Хлоя приедет повидаться со своей маленькой сестренкой! — шепчу я.

Отлично. Теперь я разговариваю не только с ребенком, но и с собакой.

Хлое было одиннадцать, когда ее матери не стало. Они в то время жили в Ридинге. Диана какое-то время болела, и Ричард был в отъезде в Испа-

нии, когда она внезапно умерла. Ближайшие соседи находились в двух милях от них, и Хлоя осталась одна со своей мертвой матерью на всю ночь, пока местный зеленщик не принес им доставку на следующее утро и не обнаружил ее.

Я даже не пытаюсь себе представить, каково было Хлое. Вот у нее идиллическое детство с любящими и заботливыми родителями, а уже в следующую секунду она не только теряет мать, но и вынуждена сидеть с ее телом в одиночестве несколько часов и ждать. Ричард оплатил лучших профессионалов, чтобы помочь Хлое, но, по его словам, она так окончательно и не оправилась. Его счастливая, жизнерадостная маленькая девочка стала отстраненной. Закрытой. Она почти не разговаривала. Ричард верит, что подсознательно она винит его за то, что он был далеко, когда все случилось. Он тоже несет свой груз сожалений.

Однажды я спросила его:

— Это был рак?

Его глаза наполнились слезами.

— Джо, милая... Давай не будет говорить о прошлом. Мне страшно даже вспоминать о нем.

— Конечно, — ответила я тогда, и мое сердце заболело за него и за Хлою.

Они переехали в Лондон, когда Ричард решил устроить Хлою в новую школу, но дела шли не очень. У нее были проблемы с привязанностью. Она не отходила от него ни на шаг и стала полностью от него зависима. Когда он уходил на ра-

боту, она впадала в истерику. Отказывалась идти в школу. Это продолжалось месяцами. Ричард отчаянно мечтал о том, чтобы ей стало лучше, чтобы она могла оставить прошлое позади и снова стать счастливой. И тогда он решил отправить ее в интернат, где она сможет подружиться с девочками своего возраста. Ричард искренне верил, что это единственное средство, которое поможет ей оправиться от смерти матери и вернуться к нормальной жизни.

Он изучил списки самых элитных учреждений с безупречной академической репутацией и выбрал школу, которая, по его мнению, лучше всего подходила именно Хлое. Одну из самых эксклюзивных — и самых дорогих (что для Ричарда не имело никакого значения) — школ в Швейцарии.

Однажды он сказал, что до сих пор испытывает чувство вины, хотя в глубине души верит, что тогда поступил правильно, ведь постепенно Хлоя стала более уверенной в себе, более счастливой. Она приезжала домой на все каникулы и праздники, а летом они вместе ездили в Италию, в Париж или куда она хотела.

Два года назад Хлоя окончила старшую школу и теперь жила в лондонской квартире, которую ей купил Ричард. Последний раз я слышала, что она изучает фотографию в Колледже моды Лондона.

Я хотела познакомиться с Хлоей еще до свадьбы, когда мы только встречались, но каждый раз, когда Ричард ей это предлагал, она находила причины от-

казаться. Слишком занята. Слишком много учебы. У нее другие планы.

— Это из-за разницы в возрасте? — как-то спросила я. — Ее это беспокоит?

Ричард на девятнадцать лет старше меня, и Хлое это могло показаться чересчур.

— Не думаю. Она и бровью не повела, когда я сказал. Ей просто нужно время.

И однажды, во время обеда в «Ле Гаврош», он сообщил Хлое, что сделал мне предложение. Он рассчитывал убедить дочь встретиться со мной, потому что для брака ему нужно ее одобрение. Но, услышав это, она просто побелела, вскочила с места, схватила свое пальто и ушла.

— Она одумается. Вот увидишь, — сказал он тогда.

Мне казалось очень милым, что он хочет нас познакомить и ищет ее одобрения, но мы пытались организовать встречу неделями, а Хлоя не проявила ни малейшего интереса.

— У нас впереди вся жизнь, — говорила я, хотя в какой-то момент все это стало вызывать у меня недоумение.

Однажды Ричард заявил, что с него хватит:

— У нее своя жизнь, как и у нас. Если она хочет играть в игры — пожалуйста.

Мы поженились в Кью Гарденс прекрасным весенним днем, и только потом, во время нашего медового месяца — мы просто чудесно провели его на островах в Греции, — он рассказал мне, что Хлоя

позвонила ему в день нашей свадьбы и заявила, что если он ее не отменит, она больше никогда с ним не заговорит. Ричард ответил, что это ее решение и он очень сильно ее любит, но не позволит диктовать ему такие абсурдные условия. Хлоя повесила трубку. Это был их последний разговор. Пока он не рассказал ей про Эви.

И то, что она написала нам сейчас и заявила о своем желании приехать и познакомиться со своей маленькой сестренкой, — это просто чудо. Хлоя всегда была как тень, омрачавшая наше будущее, но теперь все должно было измениться.

Ричард возвращается в гостиную.

— Ну как? Ты поговорил с ней?

Он с широченной улыбкой кивает.

— Да. Она приедет на поезде к пяти часам в пятницу.

— Ох, Ричард. Это же замечательно! Я так за тебя рада! — Встаю и обнимаю его за шею. — Я постараюсь, чтобы она почувствовала себя максимально комфортно. Это и ее дом тоже, и я сделаю все, чтобы Хлоя это поняла.

Ричард берет меня за плечи, и на его глаза нависают слезы.

— Спасибо, Джоанн, это очень много для меня значит. Ты точно не против, если она проведет здесь несколько дней? Вместе с нами?

— Против? — смеюсь я. — Помимо того, что она — член семьи, будет приятно иметь компанию,

НИКОЛА САНДЕРС

пока ты на работе. И я правда с нетерпением жду знакомства с ней.

* * *

Когда я оглядываюсь назад и вспоминаю тот день, то вижу себя счастливой и полной надежд. Вместе с Хлоей наши жизнь и семья должны были стать полноценными. Мне не терпелось увидеть ее, доказать, что я для нее не угроза, что я уважаю их отношения и ни за что на свете не попытаюсь разорвать их связь. Мне хотелось стать заботливой тетушкой. Я готова была сделать все возможное, чтобы мы подружались. Нет, не просто подружались — чтобы мы *полюбили* друг друга, как члены семьи.

Но, если коротко, все вышло совсем не так.

Ричард будто бы всего пять минут назад уехал встречать Хлою на вокзал, но я уже слышу шум подъезжающей машины. Так волнуюсь, что наконец-то с ней познакомлюсь. Моя падчерица! Мы с Ричардом последние несколько дней только об этом и говорили.

— Расскажи мне о ней побольше! Какая она? — спрашивала я снова и снова.

Он смеялся.

— Она тебе понравится. Хлоя милая. Очень милая девочка. Ее просто задело, что я снова женюсь, но сейчас все нормально.

Ну, теперь она точно поймет, что волноваться не о чем. Я без конца фантазировала, как мы будем сближаться. Рисовала в голове картинки, где мы что-нибудь печем, пока Ричард на работе, обсуждаем ее парней, учебу, работу, которой она хотела бы заниматься. Я представляла себя кем-то вроде старшей сестры. Понимаю, это странно, но ма-чеха — это тоже очень странно. Лучше просто близ-

кий человек, который будет рядом, несмотря ни на что. С кем можно поделиться чем-то так же, как со своей матерью, если бы та была жива.

Я кладу Эви в кроватку. Ричард кричит мне с первого этажа:

— Мы приехали!

Быстро выбегаю на площадку и облакачиваюсь на балюстраду. Сначала я вижу только Ричарда и его счастливое сияющее лицо и наклоняюсь сильнее. Сперва я слышу шаги и только потом вижу ее. Высокие каблуки на плитке пола. Она встает рядом с ним.

— Привет! — весело вскрикиваю я и машу рукой. — Так приятно с тобой познакомиться, Хлоя! Сейчас спущусь! Только уложу Эви спать.

Хлоя поднимает на меня взгляд, и меня поражает ее красота. У нее русые прямые волосы с пробором посередине и светлыми прядями. Длинные, пышные и темные ресницы подчеркивают зеленые глаза. Отцовские темные, густые безупречные брови.

— Привет, Джоанна, приятно познакомиться! — отвечает она напевным голосом, чуть более детским, чем можно было ожидать от девушки ее возраста.

— Мне тоже приятно познакомиться! — отзываюсь я и сразу понимаю, что уже это говорила, а после со смехом добавляю: — И правильно — Джоанн.

— Ой! Извини! — Она прикрывает рот руками, будто ужаснувшись своей ошибке.

Теперь я чувствую себя отвратительно.

— Нет, не переживай! Ничего страшного!

— Да, правда? Не хотела начать на дурной ноте!

— Правда, — уверяю ее я, стараясь закрыть тему. — Никаких проблем.

Она поворачивается к Ричарду:

— Ну ладно. Уф. Наверное, нужно принести мои сумки из машины?

— Да, давай этим и займемся. — Ричард смотрит на меня. — Увидимся через минуту, дорогая.

Они оба разворачиваются и выходят обратно на улицу. Я возвращаюсь к Эви удостовериться, что она в порядке. Дочка улыбается мне, закрывает глаза и тихо вздыхает. Она выглядит так, будто проспит еще добрые пару часов. Сегодня она вела себя прекрасно. Вообще, сегодня весь день складывается прекрасно.

* * *

Утром у меня была первая рабочая встреча с Шелли и Беном, еще одним агентом, который начал у них работать, когда я ушла. Мне понравился Бен. Приятный мужчина ближе к сорока, с лысиной и вытянутым лицом. Он рассказал мне об обновлениях в системе касательно оформления аренды, показал, где хранится база клиентов, которым требуются услуги ремонта, и какие объекты сейчас пустуют.

Я все это знала — во всяком случае, большую часть, — но освежить в памяти было не лишним.

Даже Эви вела себя спокойно во время встречи. Она тихо сидела у меня на коленях и грызла свою погремушку со слоником.

— Я буду приглашать няню два раза в неделю, — сказала я Шелли, когда Бен отключился от встречи. — Просто чтобы ты знала.

— Отлично! Может, иногда сможешь приезжать поработать в офис? — предложила Шелли. — Если захочешь. Встретишься с ребятами. Будет приятно увидеть тебя во плоти.

Я рассмеялась.

— В ближайшее время очень вряд ли, но я бы с удовольствием иногда выбиралась. — Я слегка прикрыла ладонями уши Эви и, скорчив рожицу, призналась: — Пока я тут окончательно не свихнулась.

Шелли прыснула от смеха.

Отключившись, я посидела в «Фейсбуке»¹, где подписалась на несколько групп с рекомендациями по няням. Я уже поговорила с двумя агентствами, которые казались многообещающими, так что не особенно волновалась по поводу поисков.

Я была на таком подъеме из-за перспективы снова поработать с Шелли, что даже вновь задумалась о переоборудовании кухни. А потом мне по-

¹ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

звонили из одного агентства, с которым я общалась накануне.

— У нас есть кандидат, который, кажется, подойдет вам идеально, — сказала девушка, представившаяся Мелани. — Я только что отправила вам ее резюме. Ее зовут Пола, ей двадцать восемь, и она изучает детскую психологию.

— Правда? Давайте посмотрим! — Я пробежалась глазами по письму, одновременно засыпая Мелани вопросами. — И вы проверили ее рекомендации? — спросила я, чуть не прыгая от восторга.

— Конечно! Они безупречны. Их я тоже прикрепила.

Я просмотрела рекомендации. Шесть лет опыта с двумя разными семьями; во второй — ребенок практически возраста Эви. Отзывы оказались положительно восторженными. Организованная, ответственная, очень добрая, находчивая, дети ее обожают — так же как и родители.

— Она живет рядом, в Стейнсе, — заметила Мелани.

— Это же всего в десяти минутах от нас!

— Она может приехать побеседовать с вами сегодня днем. У вас есть время? Я хочу сразу вас предупредить, Джоанн, ее могут увести в любой момент!

— Нет! Не надо, чтобы ее уводили! Во сколько Пола может здесь быть?

Пола приехала ровно через два часа. Несмотря на то, что ей было всего двадцать восемь, я ожидала увидеть почти матрону. Все из-за отзывов.

Судя по ним, она представляла собой нечто среднее между Мери Поппинс и миссис Даутфайр. Но вместо этого я столкнулась с тинейджером. Во всяком случае, именно так она выглядела. Черные коротко стриженные волосы, футболка и татуировка, которая покрывала всю ее правую руку, прежде чем внезапно оборваться на запястье. Она улыбнулась и протянула ладонь.

— Здравствуйте. Я Пола. Приехала по поводу вакансии.

Через тридцать минут я предложила ей работу. Она была разговорчивой, веселой, несколько раз заставила Эви улыбнуться и сказала, что хочет работать только пару раз в неделю, потому что сейчас занята учебой. Когда Пола ушла, у меня было ощущение, будто я прощаюсь с другом. Так что да, день складывался прекрасно.

До меня доносятся голоса болтающих внизу Хлои и Ричарда. Эви заснула. Я взбиваю волосы руками и спускаюсь к ним.